

Возвращение имени

Размышления у подъезда дома на Лесной

Осколки мемориальной таблички на Лесной улице. Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

13:34, 17 февраля 2026,

Виктория Артемьева

«Меня всегда поражали такие вещи с картинами. Висят годами, затем, безо всякой причины, ни с того ни с сего, говорю, бамс, падают вниз. Висят они себе там, на гвозде, а в какой-то момент, бамс, падают вниз, камнем. В абсолютной тишине, все вокруг неподвижно, даже муха не пролетает, а они бамс. Безо всякого повода. Почему именно в этот миг? Неизвестно. Бамс».

Алессандро Барикко. «Тысяча девятисотый»

«7», «убит», «Политковс» — в первый вечер осколки того, что недавно было мемориальной табличкой, лежавшие у ободранной стены дома, были похожи то ли на плохой пазл, то ли на куски льда, из которых Каю в «Снежной королеве» надо было сложить слово «вечность». Сорванную неонацистами и явно тщательно раздробленную доску тут же сравнили с оборванными «Последними адресами». И потому что адрес действительно был последний, и потому что в паре метров, на фасаде того же дома, уже белело пятно поменьше — от сорванной таблички с именами репрессированных. И хотя уже на следующий день вокруг подъезда началась та же война за память, которая давно идет вокруг «Адреса»,

борьба за возвращение имени Анны Политковской из этих войн явно выбивается. Потому хотя бы, что главная претензия к этому имени, видимо, не в том, что его носительница была убита, а в том, что она была.

Спустя без малого месяц этой войны в одном из ближайших к горячей точке цветочных магазинов уже начали привыкать к ведущимся рядом боевым действиям. Когда, несмотря на минус

двадцать, просишь розы без обертки, уточняют: «Вы к табличке, что ли? А, ну понятно». И даже знают исполнителя: говорят, что хотя ответственность за первый разбитый гранит взяли на себя неонацисты, весь этот месяц ежедневно и неумолимо временные таблички и букеты цветов срывает и уносит в ближайший мусорный бак Галина Шустова — та самая 69-летняя поклонница Кадырова и жилтоварищеской бюрократии, которую нашел и снял на видео один из активистов.

Спустя 20 лет она вдруг решила оспорить звучавшую все эти годы во всех СМИ формулу «в подъезде собственного дома»: «*Это мой дом!* — кричит на видео пенсионерка. — Я собственница, и я не разрешала!» И вообще, мемориальная табличка ей, оказывается, мешала всегда, с самого дня своего здесь появления. И когда она произносит это на видео, создается полное ощущение, что до фразы «спасибо нашим мальчишкам» ей, в общем, недалеко.

Война за память на Лесной, 8, началась с того, что в ответ на разбитие таблички москвичи принесли к подъезду цветы и лампы, потом повесили пластиковую временную копию, а когда все это исчезло, снова принесли цветы и снова повесили временный знак. Потом опять. И еще раз. А потом изменили надпись — вместо «здесь убита» написали «здесь неонацистами была уничтожена мемориальная доска». В конце концов на стене вместо таблички появился граффити-трафарет.

Временная табличка, установленная волонтерами. ФОто: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Наци, надо отдать им должное, отвечают быстро, и без скорости и наблюдательности местной жительницы им явно не обойтись. Это трогательное волонтерство, наверно, сильно облегчило работу участникам NS/WP* — все-таки холодно ведь скинхедам в морозы. С каждым днем граффити мутнеет — то ли от погоды, то ли от попыток его отмыть, но возможностей и средств московской пенсионерки для окончательной победы над текстом явно не хватает.

Так что состав исполнителей — по крайней мере социальный — большой тайны из себя не представлял уже на третий день. Гораздо интереснее было поискать ответ на другой вопрос: почему именно сейчас?

Фаталисты скажут, что возвращение имени Политковской в новостные ленты в теперешних обстоятельствах было

неизбежно. Имеющие представление о неонацистской тусовке объяснят это недавним выходом на свободу Евгении Хасис (многие, правда, в ответ усомнятся, что это имя до сих пор является для неонаци сколько-нибудь значимым символом).

Нумерологи объяснят это юбилейным годом — в 2026 году со дня убийства исполняется 20 лет. Литераторы объяснят логикой сюжета: когда еще и возвращаться этому имени, как не теперь, когда страна, окончательно увязшая в тоталитаризме, снова ведет боевые действия.

И не в одном из своих отдаленных регионов, а со страной, к которой Политковская к тому же имела родственное отношение (ее девичья фамилия, как известно, — Мазепа).

Когда и возвращаться, как не теперь, когда изо дня в день пытаются куда-то вернуться вся страна, когда совещания и конференции с обсуждением планов на будущее называются «Вперед в прошлое!». Когда, как не теперь, когда вернулись все темы Политковской — от военных преступлений, терактов, пыток над пленными до проблем беженцев, полного бесправия политзеков и всех возможных ЧП. С той, правда, разницей, что вся Россия теперь стала Чечней.

Кроме постоянно возвращаемой на свое место таблички, кроме несмываемой надписи на облезлой стене подъезда, в последнее время то тут, то там, то на водосточных трубах, то на дверях метро стали появляться стикеры с цветком и надписью по кругу: «Помним Политковскую». И вот парадокс: те, кто печатает эти стикеры, помнить Политковскую не могут чисто физически. Сохранять о ней реальную память может Николай Рыбаков (председатель партии «Яблоко»), одним из первых

заметивший, что табличку разбили, и повесивший одну из временных досок. Но те, кто следит за сохранностью мемориала регулярно, не могут помнить Политковскую. Просто потому, что родились они либо после, либо незадолго до ее убийства. К 2006 году им было максимум по шесть, семь, 10 лет, и все-таки они уверены в используемой терминологии: они ее помнят.

Сорванную неонацистами и явно тщательно раздробленную доску тут же сравнили с оборванными «Последними адресами». Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

При этом, когда начинаешь расспрашивать, что именно они имеют в виду и что для них значит это имя, выясняется, что память их довольно отрывочна: Чечня, «Норд-Ост», интервью с Кадыровым, беженцы — они перечисляют узловые этапы того, что в memory studies называется мемориальным каноном. В этом смысле очень характерно и изменение текста на временной табличке: если раньше было принципиально важно напомнить о том, что Политковская была именно убита, то

теперь, когда и убийство, и ненайденный заказчик, и просроченный срок давности преступления стали неотъемлемой частью мемориального канона (об этом знают все, кто знает имя Политковской), принципиально важно стало зафиксировать в памяти людей тот факт, что ее имя не дает покоя ее врагам даже спустя 20 лет после ее смерти.

Иначе говоря, всё, что вспоминают о ней те, кто заботится о мемориале, — это, конечно, не личная память, это почитание символа, хотя и очень горячее, и абсолютно искренне. Это воспроизведение победившего нарратива о человеке: хотя при жизни ее упрекали и в излишней эмоциональности, и в излишней сосредоточенности на войне и чужой боли, спустя 20 лет стало понятно, что победили не претензии к ее работе, а то, что она, несмотря на них, смогла реально сделать.

Спустя 20 лет стало понятно, что ее сосредоточенность была абсолютно обоснована: то, с чего начинал Путин, против политики которого она так протестовала, за 20 лет не только не закончилось, но возросло многократно. С чего он начинал — к тому и вернулся, тем и заканчивает, и вместе с ним заканчивается страна, которую Политковская в заголовке одной из книг назвала Путинской Россией.

И именно из-за этого наглядного доказательства ее правоты со временем победил образ Политковской как профессионала экстра-класса, как морального камертона и как человека, для которого не было ничего важнее, чем другой человек.

Еще и поэтому, кстати, возвращение ее имени в ежедневную повестку оказалось таким закономерным: во время больших

данных и глобальных катастроф, когда все сливается в массу, толпу, статистику, категоризацию, классификацию на своих и чужих, уехавших и оставшихся, сидящих и сажающих, живых и мертвых — во время тотальной таксономии именно подход Политковской, индивидуальный, глубоко личный, подразумевающий разговор глаза в глаза, кажется по-настоящему живым и единственно рабочим.

На фоне всего этого естественно, что лишнее напоминание о ней смотрится очень неудобно. Еще неудобнее оно смотрится на фоне общей государственной тяги к новым территориям, на фоне массового называния улиц, школ и парт, даже церковных колоколен именами свошников, на фоне установки им памятников. Может быть, у верхних эшелонов власти и нет образа будущего ни для себя, ни для страны, зато они прекрасно знают, как за столбить за собой память о настоящем: все это расставление флажков-имен есть не что иное, как забота о том, как будут помнить их самих. В этом смысле мемориал Политковской, даже не имеющей отношения к 2022 году, — слишком заметное пятно на будущей памяти.

Но вот в чем проблема: попытка стереть память о ней приводит к обратному эффекту — память не стирается, она актуализируется. Вандалы так активно попытались забыть Политковскую, что вместо акции забвения провели что-то вроде мемориального** «Возвращения имен»: заставили вспомнить о Политковской даже тех, кто физически не мог этого сделать, провели прямую аналогию между нулевыми и двадцатыми — и теперь она является полноправным участником и знаком не только всего, что было связано со второй Чеченской войной, но и того, что связано с происходящим.

Планерка в редакции «Новой газеты». Фото: Елена Панфилова / «Новая газета»

Больше того: у сорванной таблички и всего, что после этого началось и продолжается, оказалось еще две важнейших для сегодняшнего дня функции. Первую косвенно описал в одной из статей Алексей Семенов-Труайя, публикующий в «Новой» большой цикл, целиком посвященный *memory studies*. Он пишет: «Представьте: вы бросаете магнит в коробку с железными опилками. Они мгновенно выстраиваются вдоль невидимых силовых линий. Казалось бы, хаос. Но стоит появиться силе, как возникает структура. Точно так же работает поле памяти».

Ситуация вокруг сорванной таблички сформировала именно такое поле памяти, куда как магнитом притянулись и объединились в

полярные друг другу лагеря те, кому есть что вспомнить, те, кто хочет эти воспоминания перенять, и те, кто хочет эти воспоминания полностью стереть.

А вторая функция у этого события — в том, что срывание и возвращение таблички стало очередной новой формой протеста. В февральской России, где привычный — уличный, митинговый — протест оказался полностью перекрыт, сразу стали быстро формироваться потрясающе креативные новые его формы. И если, допустим, одежда в цветах украинского флага или наклеивание ценников в магазине оказалось не менее или даже более опасным, чем одиночный пикет, то последствия пения протестных песен в переходах или написания цитат из антивоенных стихов на стенах домов, или аплодисментов в правильных местах в театре, или покрашенных в траурный черный цвет ногтей, или посещения похорон Навального и много-много другого, — последствия всего этого непредсказуемы, но все-таки терпимы. Способом протеста стало то, что для этих целей было обычно непригодно, включая и борьбу за мемориал Политковской.

И если поболтать с цветочниками из магазинов поблизости, они скажут, что приходят к ним и покупают у них цветы даже те, кто узнал о случившемся совсем случайно. И когда вы купите у них пару роз и попросите не заворачивать, потому что ведь все равно их тут же выкинут, они ответят: «Подождите. Вот встанет все на свои места, пройдет время, и ваши герои вернутся. Туда вернутся, где им и положено быть».

Когда-то, конечно, вернутся, а пока каждый, даже самый холодный день здесь появляются цветы: их уносят — они появляются, их выбрасывают — они оказываются здесь снова. Цветы стали знаком протеста против смерти тогда, когда

букетами впервые завалили весь тротуар перед этими дверями, и тогда, когда под окнами редакции «Новой газеты» появился сад. Теперь цветы стали знаком протеста против забвения, протестом против смерти памяти.

* Организация признана экстремистской и запрещена в России.

** Минюст считает «Мемориал» «иноагентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Москвича, разбившего мемориальную доску Анны Политковской, оштрафовали на 1000 рублей. Заявление редакции «Новой газеты»](#)

10:29, 21 января 2026,